

Алексей Алексеевич
Ратушный

**Музыка бега
как музыка
танца**

Алексей Ратушный

Музыка бега как музыка танца

«Издательские решения»

Ратушный А. А.

Музыка бега как музыка танца / А. А. Ратушный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508972-4

Впервые отражены мелодии песен, написанных «на бегу» и посвящённых именно бегу. Автор использует свою собственную «табулатуру», созданную им для этой серии книг.

ISBN 978-5-00-508972-4

© Ратушный А. А.
© Издательские решения

Содержание

МОЯ СИСТЕМА ЗАПИСИ ЗВУКОРЯДА МЕЛОДИИ	6
МУЗЫКА БЕГА, КАК МУЗЫКА ТАНЦА	7
ПРО МОЙ ЗАБЕГ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Музыка бега как музыка танца

Алексей Алексеевич Ратушный

© Алексей Алексеевич Ратушный, 2019

ISBN 978-5-0050-8972-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЯ СИСТЕМА ЗАПИСИ ЗВУКОРЯДА МЕЛОДИИ

В качестве источника звука берём стандартное «пианино», точнее его клавиатуру, исходя из того, что инструмент прекрасно настроен, и нам требуется только правильно нажимать на нужные клавиши.

Вполне сгодится и любой синтезатор.

К сожалению, я не ведаю, какие там на самом деле ноты, но от кого-то когда-то я слышал, что вроде бы белые клавиши – это семь основных нот, а чёрные клавиши – пять дополнительных (типа то ли си-бемоль, то ли фа-диез и т.п.).

Обозначим клавиши пианино по нотам на русском языке.

Мы как бы знаем, что через семь нот (до, ре, ми, фа, соль, ля, си, до) весь ряд снова повторяется в том же самом порядке. Каждый такой набор (семь клавиш идущих подряд) обозначая «гласными» буквами латинского алфавита.

Октава пониже – буквой «А».

Октава повыше – буквой «О».

Ещё повыше – буквой «U».

Для октавы ниже «А» добавляем «I», а выше «U» пишем «E».

Каждую «белую» ноту я обозначаю большой буквой латинского алфавита:

До – **D**

Ре – **R**

Ми – **M**

Фа – **F**

Соль – **S**

Ля – **L**

Си – **C**.

Каждую из пяти «чёрных» «полу нот» я отображаю двумя маленькими латинскими буквами, обозначающими ноты, между которыми эта клавиша находится: **dr, rm, fs, sl, lc**.

А что бы понять, в какой из октав находится эта клавиша, я добавляю в «слово» второй – для белых, третьей – для чёрных нот букву – символ этой самой октавы (то есть **A, O** или **U** для «белых» клавиш и соответственно **a, o, u** для «чёрных»).

Длительности я обозначаю упрощенно: самые короткие никак, подлиннее «четвёркой», ещё длиннее «двойкой». Словно короткие – одна восьмая секунды, средние – одна четвёртая, длинные – одна вторая.

Но это «для обозначения» потому что сам я пою так, как чувствую.

И нередко – в зависимости от настроения – по-разному.

Но такой способ записи «табулатуры» мне очень удобен.

Музыканты разберутся!

Любители тоже!

Простенько и со вкусом!

У меня все песни, а особенно про бег, весьма простые, незамысловатые.

Я и писал то их в основном на бегу.

МУЗЫКА БЕГА, КАК МУЗЫКА ТАНЦА

Хуберту Пярнакиви,
величайшему легкоатлету 20-го века

Музыка бега, как музыка танца

Этой песне уже более сорока лет!!!

И ещё никто, нигде и никогда ни разу не слышал её полностью!

По очень простой причине: не было условий!

Дело в том, что я написал её для исполнения под самое разное музыкально-танцевальное сопровождение.

Точнее, первоначально она писалась для пения самому себе на бегу.

Первые свои песни я писал на тренировках, бегая.

Под ритм стайерского бега родились и «Здесь двадцать пять кругов, здесь тысяч семь шагов...», и «Круг один, а нас здесь пять!», и «Что там, позади, ответь!» в которой задолго до крутых 90-х появилось: «и крутые километры».

На бегу написана и «Мы всё оставим на жёлтой гари...» и «Мы падали ниц, мы опять поднимались...»

На бегу я писал «Когда остаётся последняя сотня, последняя сотня из ста, и темп у соперников силы все отнял и сам ты смертельно устал...»

И вершиной стало это сравнение, эта тотальная аллегория: «Музыка бега, как музыка танца»

Строчка «Под крики ваших дискотек» в припеве на самом деле варьируется в такие варианты:

«Сквозь крики ваших дискотек»

«Под танцы ваших дискотек»

«Сквозь вопли ваших дискотек»

«Под ритмы ваших дискотек»

«Умирующий бегун» также имеет набор вариантов:

«Высыхающий бегун»

«Погибающий бегун»

«Побеждающий бегун»

«Настигающий бегун»

Наконец решающая строка – вторая в каждом куплете, задающая сюжет варьируется так:

«Снова и снова мы будем рождаться!»

«Снова мы будем на старт возвращаться!»

«Лучше погибнуть в огне, но не сдаться!»

«Нам эти танцы однажды приснятся!»

«Тот кто не бегал, тот может смеяться!»

Именно из вариации этой песни родилась строка другой песни:

«Мы будем драться до конца, пока ещё стучат сердца!»

А первоначальная версия была такая:

«Мы будем бегать до конца, пока еще стучат сердца»

Именно эта тема предчувствия смерти на дорожке была разработана мною в ряду других песен этого периода:

«Шаг еще и вновь

Наполнит сердце кровь
И разорвёт его на тысячу частиц!
Шаг этот сделай ты
Умри среди версты
Которую первым ты хотел пройти!»
Или:
«Так!
Это самый прекрасный
Сон!
Сердце взорвано болью!
Шаг!
Умиравший страстный!
Гоним
Настигает нас поле!»
Во мне живёт бег Хуберта Пярнакиви.
Много лет.
И именно ему и этому его беспримерному подвигу посвящена эта роскошная песня.
Едва ли не единственная моя танцевальная песня!

Музыка бега!
Мужество века!

О! Эта пляска смерти!
Это танец на грани, если не далеко за!
Это образ всего нашего поколения.
Когда ничего не измерялось деньгами!
Юлиус Фучик написал в своём «Репортаже с петлёй на шее» о 424-ой комнате, где
от человека не оставалось ничего, кроме человека.
На дорожке от человека Хуберта Пярнакиви не осталось ничего кроме человека.
И он всё бежит и бежит во мне.
И я молю его: «Добеги! Добеги! Добеги»

Примечание: если вы под песню включите воспроизведение фильма об этом эпизоде на Ютубе (<http://www.youtube.com/watch?v=vEU-o9D4os0>), выключив у него звук, то сможете хоть немного прочувствовать моё внутреннее – ведь эту песню я могу петь на половину танцевальных мелодий мира...

ПРО МОЙ ЗАБЕГ

По прибытии в Анапу, ещё не дойдя до пансионата, я привернул в забегаловку с целью подкормиться. Скучное меню, характерное для всех советских столовых того периода, украшало слово «плов». Плов! Что может быть слаще для уха голодного советского подростка! Плов!!!

И вот я уже сижу за столом и ем обворожительный, острый, жирный, рассыпчатый, наваристый, обильно перемешанный мясом «натуральная баранина» рис.

О, как много ещё пловов предстояло отведать этому уставшему от дорог путнику! Я восторгался искусством кулинаров ресторана «Восточный» в Южно-Сахалинске (отмечая открытие перевала Сурмико на Пике Чехова в 1992), я изнывал от плова в Реттиховке, где три года подряд кормил уссурийских комаров, плов сопровождал мои посещения в Архангельске и Краснодаре, а какой плов меня научили делать в Качканаре! Плов непременно присутствовал на каждой сессии в Ленинграде, пловом потчевали меня Запорожье и Псков, Ашхабад и Новосибирск, Чита и Череповец, плов был символом Урая. И только в одном городе страны я ни разу не ел плова – в Москве.

Но в тот момент любимец Уральских гор, правнук Хозяйки Медной горы, выпускник Малахитовой шкатулки никак не мог предположить, что Москва так сурово обделит его любимым кушаньем. Не о Москве, нет, не о Москве размышлял я, разглядывая в окно круто поднимающуюся вверх унылую южную улочку.

Здесь следует сделать экономическое отступление: в кармане у меня было до захода в столовую ровно 20 рублей. Плов стоил 88 копеек. Мне предстояло прожить в пансионате 24 дня. И подобная трата была непозволительной роскошью. Разумеется, в пансионат я попал на полное обеспечение. Эта путёвка была наградой за сплошные пятёрки, полученные мною на первом курсе Свердловского строительного техникума. Чем-то вроде Ленинской стипендии. К успехам в учёбе гармонично добавлялись успехи в спорте. Лёгкая атлетика и шахматы определённо не мешали друг другу. Таким образом, худенький юноша, жевавший плов, ощущал моральное право на эту экстраординарную матерьяльную вольность. Жуя плов, я пытался представить себе ожидающие меня перспективы. Как сказал один мой хороший приятель: «Был бы Ратушный, а приключения найдутся»...

Однако никаких особых перспектив в тот памятный вечер над пловом не обнаружилось, я встал из-за стола, подхватил нехитрый чемоданчик, и шагнул навстречу неизвестности. Я полагал, что меня ждут ежедневные тренировки, (30 километров по пескам), тщательное изучение защиты Алёхина (два часа за доской ежедневно), написание романа (90 минут скорописи каждый вечер)...

А меня ждала ....

Плакать – это тоже искусство. Тут главное – вовремя сдержаться. Сделать невинный взгляд, и так тихонько напрячь губы, чтобы случайный прохожий не смог догадаться, что вы плачете. И не забудьте вовремя отвернуться.

Настоящий плач начинается потом. А пока только застилает глаза и теснит грудь и кипит что-то предательское в горле и невероятная слабость растаскивает губы, и не хочется жить.

...А вот здесь нам надлежит сделать легкоатлетическое отступление.

Мы росли в стране побед и свершений. Мы были воспитаны на лозунге: «победа или смерть» – и мы были готовы умереть или победить. Мы усвоили, что побеждает только тот, кто много тренируется. Что только падающий с ног способен на высшие достижения. Мы тренировались в любом состоянии, в любую погоду, в любых условиях. Мы знали: если ты способен идти после тренировки, значит ты не тренировался. Мы готовились к Олимпиадам. Мы тренировались трижды в день. Мы уходили на двадцатикилометровый кросс утром и возвращались

с десятикилометрового кросса вечером. Вся жизнь делилась на восстановление и тренировку. Тренировка – это цель восстановления. Тренировка – это смысл бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.